

УДК 621.37

И.В. Лоткин

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ И ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ПРИБАЛТИЙСКИХ КОЛОНИЯХ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

На большом фактическом материале исследуются процессы социального расслоения и политической борьбы в прибалтийских поселениях Сибири во второй половине 1920-х гг. Делается вывод, что большинство хозяйств выходцев из Прибалтики были не капиталистическими, а мелкотоварными с ограниченным применением наемного труда. Но нэп вел к втягиванию крестьянских хозяйств в рыночные отношения.

Ключевые слова: колонисты, Сибирь, прибалтийские народы, политическая борьба.

Своеобразие аграрного вопроса в России после Великой Октябрьской социалистической революции определялось тем, что в стране мелкое крестьянство составляло подавляющее большинство населения и что после двух буржуазно-демократических революций остался нерешенным один из важнейших вопросов – вопрос о земле. Национализация земли в сочетании с созданием крупных коллективных хозяйств, основанных на совместном труде крестьян и общем пользовании орудиями производства, означает социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Национализация же земли на принципах ее уравнительного распределения и сохранения мелкотоварного крестьянского производства расчищает дорогу от феодальных пережитков наиболее быстрому развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Даже при наличии политической власти в руках пролетариата сама по себе отмена частной собственности на землю без производственного кооперирования крестьянства не в состоянии затормозить развитие капиталистических отношений в деревне со всеми вытекающими отсюда последствиями: дифференциацией крестьянства, обнищанием одной его части и обогащением другой за счет эксплуатации наемного труда и т.д. [1. С. 251].

То есть реализация «Декрета о земле» 1917 г. в конечном итоге привела к развитию не социалистических, а капиталистических отношений в сельском хозяйстве, а поскольку самые передовые производственные технологии того времени были сосредоточены в кулацких хозяйствах (они же обладали и наиболее высокой товарностью), то это рано или поздно должно было привести к экономическому, а в перспективе и к политическому доминированию сельской буржуазии. После окончания Гражданской войны отношение к сибирскому зажиточному крестьянству было вполне терпимым. Об этом, в частности, говорит и факт состава депутатов ряда Советов. Если в губернских органах власти депутаты-коммунисты составляли около 75% всех членов, то в сельской местности коммунисты имели всего от 45 до 50% в уездных исполкомах Советов [2. С. 8]. В 1922 г. в волостные Советы Сибири было избрано 2 735 депутатов, из них коммунистов – 821, беспартийных – 1761, бедняков – 721, середняков – 896, кулаков – 127 [3. Л. 58]. Число батраков в Сибири резко возросло в связи с переселением сюда более 300 тыс. человек

из голодающих губерний: часть из переселенцев стала жертвой сибирского кулачества. Газета «Советская Сибирь» констатировала, что в крае батрачество очень развито, причем батрак дешевый. За месяц работы кулаки платят ему столько, сколько стоят 30 пачек папирос «Смычка» – 3 р. 60 к., или 2–3 возика дров, или 2–3 ведра каких-нибудь ягод. Причем кулак платит не деньгами, а натурой, и батрак все время ему должен [4].

Предметом нашего исследования является социальная ситуация в прибалтийских колониях Сибири во второй половине 1920-х гг. В. Лацис в рассказе «Паулина Лапа» очень точно показал механизм капиталистической эксплуатации латышских беженцев в этот период. Он писал: «Когда мировая война согнала в Сибирь потоки беженцев, небольшая волна их хлынула и в этот уголок тайги, и вокруг усадьбы Мартына Крусы, как грибы, стали вырастать лачуги беженцев. О, он умел хорошо считать! Эти беженцы не были избалованы. Хорошая и дешевая рабочая сила... Амбар Крусы был в своем роде единственной лавкой, где нуждающиеся беженцы могли что-нибудь приобрести. Раз в месяц Круса ездил в город продавать масло, а оттуда возвращался с разными товарами, без которых в тайге не обойтись. Лапти, мотыги, вилы, косы, топоры, гвозди, стекло, мыло, колесная мазь – все это он продавал втридорога не за деньги, а за рабочую силу. Здесь, в тайге, в обращении была одна валютная единица – рабочий день. Курс ее не был стабильным. Круса умел заключить договор в такое время, когда покупателя настигала самая большая нужда, а курс рабочего дня был ниже всего зимой. За долги обрабатывались его поля, снимался урожай, заготавливались дрова и делалась всякая случайная работа. Мартын Круса стал «спасителем» беженцев» [5. Т. VII. С. 363]. Использование труда своих же соседей – бедняков и безземельных – существовало и среди сибирских эстонцев. В эстонских поселениях Алтайской губернии, по данным 1921 г., в деревне Кольчугино проживали 10 безземельных семей, в Боровушке – 10, в Вабадузе – 7, в Вамбола – 6 [6. Л. 1, 14, 42, 43]. И безземельные, и малоземельные крестьяне в большей или меньшей мере подвергались эксплуатации со стороны зажиточной верхушки. Некоторые хозяйства стремились эксплуатировать наемную рабочую силу, не заключая трудового договора.

XII съезд РКП(б) указал, что в тех сельскохозяйственных районах, где проживают ранее угнетавшиеся национальности, «внутренние социальные мероприятия должны прежде всего идти по пути наделяния трудовых масс землей за счет свободного государственного фонда» [7. Т. 4. С. 84]. Это указание практически было распространено и на эстонцев. Кроме того, закон не требовал строгого ограничения размеров крестьянских хозяйств, границы которых в ряде случаев были не определены из-за разбросанности хуторов. В восстановительный период система хуторского хозяйства в ряде местностей даже пропагандировалась и поощрялась земельными органами, ограничение или ликвидация ее в те годы считались нецелесообразными. В ходе землеустроительных работ учитывались пожелания к выделению на хутора и отруба. В Томском округе, например, для переселения эстонских крестьян на хутора в 1926 г. было выделено 534 десятины земли [8. С. 212]. С 1927 г. переселение на хутора и выделение отрубов стали ограничиваться [9.

С. 93–94]. Надо отметить, что там, где землеустроительная политика не учитывала специфические нужды балтийских поселенцев, возникало стремление к переселению в другие районы. Особенно это отмечалось еще в 1924 г. в северных районах Барабинского, Ачинского и Томского округов [10. Л. 40, 41].

На процесс землеустройства в эстонских деревнях Сибири активно влияла зажиточная верхушка. Нередко арендаторы земли и некоренные колонисты оказывались в ущемленном положении. На эти факты нередко указывала сибирская эстонская газета «Siberi Teataja» («Сибирский вестник»). Так, например, в марте 1926 г. общее собрание дворохозяев с. Золотая Нива постановило не только не наделять землей людей, поселившихся в деревне после ее основания, но и выселить их. 9 мая того же года при повторном обсуждении этого вопроса на собрании дело дошло до рукоприкладства. После вмешательства сельсовета просьбы претендентов на получение земли были удовлетворены (однако лицам, арендовавшим землю у других крестьян, участков так и не выделили) [11]. В Березовке Мариинского округа зажиточная часть крестьянства вплоть до 1928 г. не допускала бедноту к пользованию бывшей церковной землей (около 100 га), сама ее обрабатывала, не платя за нее аренду [12].

Экономическое положение большинства эстонских крестьянских хозяйств, сравнительно высокий уровень доходности послужили поводом для того, что нередко крестьяне других национальностей, жившие рядом, а порой и представители местных властей характеризовали их как зажиточные и даже кулацкие. Причиной подобных взглядов в некоторой степени служила практика применения эстонцами наемного труда в более широких размерах, чем в СССР в целом. Однако хорошо известно, что нельзя относить к кулакам всех, кто прибегал к найму рабочей силы, – тем более что советским законом от 18 апреля 1925 г. наемный подсобный труд был разрешен. Третий Всесоюзный съезд Советов одобрил этот закон в интересах поднятия и укрепления сельского хозяйства. М.И. Калинин, выступая 11 мая 1924 г. на крестьянском собрании в селе Каменка Ново-Николаевской губернии, заявил: «Мы не против работников. Тут вопрос ясен, что нанимают в большинстве рабочих более состоятельные крестьяне, а бывает и наоборот – нищие нанимают... Вероятно и возможно, что какую-нибудь льготу даже придется дать в смысле налога тому, кто не в силах сам землю обрабатывать» [13. С. 121].

Эстонские крестьяне чаще всего брали пастухов, что при хуторской системе ведения хозяйства, особенно при отсутствии подростков в собственной семье, было довольно распространенным явлением. Наемной рабочей силой, как правило, пользовались хозяйства, оставшиеся по той или иной причине без взрослой мужской рабочей силы. Подобные случаи местные органы власти обычно не считали эксплуатацией чужого труда. Применялся и поденный труд, но далеко не во всех средних хозяйствах. Наемная рабочая сила в страду – в периоды сенокоса, уборки хлеба – также не служила причиной перевода середняцких хозяйств в разряд кулацких. Так, например, житель деревни Оравка Барабинского округа Александр Либа во время своей болезни в 1928–1929 гг. держал двух работниц – сначала эстонку Розалию Каламеес (4 месяца), а затем латышку Ирму Лопинь (2 месяца) [14. Л. 10, 11]. На-

емная рабочая сила использовалась и в интересах обогащения. В пос. Золотая Нива Калачинского района Омского округа в 1926 г. имелось 120 хозяйств, которые держали 70 батраков [9. С. 100].

Совещание работников эстонских секций агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б), состоявшееся в 1927 г., отмечало: «Зажиточной частью эстонских колонистов применяется скрытая форма наемного труда (под видом родственников и т.д.), а также использование батраками почти исключительно русских, что чрезвычайно затрудняет низовым партийным и комсомольским организациям ведение непосредственной работы среди батрачества. Точно так же имеются зажиточные кулацкие машинные и тракторные товарищества (Сибирь, Кавказ, Крым), ведущие эксплуатацию бедняцко-средняцкой части деревни уже коллективно». В резолюции совещания также говорилось, что «среди эстонских крестьян наблюдается некоторое высокомерное отношение к окружающим русским крестьянам, как более отсталым в сельскохозяйственном и культурном отношении. Поэтому необходимо решительно направить оружие агитации и воспитания в первую очередь против этих неправильных взглядов, разъясняя смысл и значение Октябрьского переворота в культурной и экономической жизни страны» [15. Л. 183, 187].

Говоря о социальной дифференциации советского крестьянства в годы нэпа, необходимо отметить, что крупнейшей социальной группой на селе стали середняки. Так, на 1926/27 х.г. по сравнению с 1924/25 х.г. середняки в стране достигли 62,7% (вместо 61,1%), беднота – 22,1% (вместо 25,9%), кулаки – 3,9% (вместо 3,3%) и батраки – 11,3% (вместо 9,7%) [16. С. 174]. Картина социального расслоения среди эстонских поселенцев в годы, предшествовавшие коллективизации, детально еще не исследована. Она была неясна и современникам. На III Всесоюзном совещании эстонских секций ВКП(б), состоявшемся в Москве 21–25 марта 1927 г., предпринималась попытка проанализировать экономическое состояние эстонских крестьянских хозяйств. Ответственный секретарь Центрального бюро эстонских секций ВКП(б) О. Рястас отметил на этом совещании, что бедняки в эстонских поселениях составляют 34%, середняки – 56% и кулаки – 10%. Но не везде, подчеркивал он, это соотношение одинаково [9. С. 101]. Например, в Сибири насчитывалось 5% кулацких, 35% бедняцких и 60% середняцких хозяйств [17. Л. 24]. Однако эти данные носили приблизительный характер, поскольку «по причине недостаточности необходимых для этого материалов», как писала газета «Siberi Teataja», точной картины получить не удалось [18]. Чтобы восполнить этот пробел, накануне десятилетия Великого Октября студенты Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Маршлевского обследовали 25 эстонских поселений в различных районах СССР.

Анализ социальной дифференциации среди колонистов показал, что основной фигурой в эстонской деревне (как и в целом по стране) стал середняк. Даже в южных районах (Крым, Украина и Кавказ), где плодородные земли, наличие рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и неплохо развитая для того времени инфраструктура создали условия для наибольшего

го социального расслоения эстонского крестьянства, середняцкие хозяйства составляли почти половину (46,8%) от общего числа обследованных хозяйств. Что же касается Сибири, где было обследовано 985 хозяйств (61,9% от общего числа обследованных эстонских хозяйств в СССР), то можно отметить достаточно высокий удельный вес бедноты (в 1,5 раза больше, чем в среднем по стране), в то же время доля середняков была почти в 1,2 раза ниже суммарного показателя [9. С. 102].

Аналогичная ситуация сложилась и в латышских поселениях. Во-первых, рос удельный вес середняцких хозяйств и уменьшалось число бедняцких. Так, например, в Омской губернии в 1925 г. беднота составляла 20–25%, середняки – 60–70%, зажиточные – 5–6% из числа поселенческих хозяйств [16. С. 179]. Два года спустя в некоторых поселениях мы наблюдаем уже иную картину. Так, газета «Krievijas Sīda» («Борьба России») в номере от 9 августа 1927 г. писала, что «...в Ладожском поселении Ачинского уезда беднота составляла 11% хозяйств, середняки – 71,8% и зажиточные – 17,2%» [19]. Впрочем, в некоторых колониях удельный вес бедняцких хозяйств оставался довольно большим. Так, летом 1927 г. в некоторые латышские села Сибири были посланы уполномоченные для выяснения характера ведения крестьянских хозяйств и социального расслоения. Курсанты КУНМЗа им. Ю. Мархлевского обследовали с. Койбинка Новокусковского района Томского округа. По их оценкам, здесь из 62 хозяйств 14 (22,6%) относились к бедняцким, 43 (69,4%) – к середняцким и 5 (8,0%) – к зажиточным. Но, если мы сопоставим эти цифры с данными газеты «Krievijas Sīda», которая отмечала, что «...в поселении Кайбинка Томской губернии с 1921 по 1926 г. число бедняцких хозяйств уменьшилось с 34% до 26%, число зажиточных (тут, очевидно, подразумеваются середняки) увеличилось с 48% до 66%», то увидим, что и здесь проходил процесс осереднячивания. В отчете также отмечалось, что «по идеологическому укладу койбинские жители не коллективисты. Хуторская система укрепила в них идеологию собственника. Всякое общественное начинание приходится проводить с большими трудностями. Сама хуторская система для общественной работы не очень благоприятна. Собрать на какое-либо собрание жителей, живущих отдельно в нескольких километрах от поселка, притом в летнюю пору – дело не легкое» [20. Л. 74–76; 21].

Во-вторых, так же как и у эстонцев, социальная дифференциация хозяйств значительно колебалась в зависимости от экономического состояния каждого географического района СССР. Так, по данным газеты «Latviešu Zemnieks» («Латышский крестьянин»), в Донской области в поселении Таурупе-Звайгзните в 1926 г. маломощными считались хозяйства с посевными площадями от 7 до 29 десятин, которых насчитывалось 73,6%; богатые хозяйства имеют посевных площадей более 32 десятин, и таких хозяйств 7,7%. Правда, не было данных почти о 20% хозяйств. С другой стороны, хотя посевная площадь только приблизительно позволяет судить о классовом характере хозяйства, и к тому же это был зерновой район, все же следует отметить, что здесь даже маломощные хозяйства имели больше земли, чем середняки в сибирских поселениях, занимавшиеся преимущественно животноводством. Но тот факт, что богатые хозяйства имели свои молотилки и по

4 наемных рабочих, не позволяет сомневаться в характере этих хозяйств [22]. В одном из наиболее крупных поселений Башкирии, в Архангельском, в 1930 г. 493 хозяйства распределялись следующим образом: 46 кулацких (9,3%), 375 середняцких (76,1%), 72 бедняцких (14,6%), которые не платили налоги; к тому же отмечалось, что здесь многие середняцкие хозяйства более сильные, нежели те, которые в других районах были подвергнуты раскулачиванию [23]. Как следствие, уже в 1928 г. представитель ЦК ВКП(б) И. Межлаук отмечал, что понятия «средняк» и «кулак» надо устанавливать для каждого района особо, при этом нельзя исходить только из имущественного положения [16. С. 175].

Я. Беберс, опираясь на материалы газеты «Krievijas Sīņa», отмечал, что накануне коллективизации (да и позже тоже) одним из наиболее щекотливых был вопрос об общей оценке поселенцев. Наиболее острая борьба происходила между сторонниками двух радикально противоположных взглядов, т.е. 1) все латышские поселенцы – кулаки; 2) в поселениях кулаков вообще нет [16. С. 175]. Против первого положения активно возражал член коллегии комиссариата земледелия М. Лацис (Судрабс). В своей статье, опубликованной в газете «Latviešu Zemnieks», он, в частности, писал: «Часто на селе кулаком считают просто трудолюбивого и бережливого хозяина. Часто считают, сколько у него десятин земли, сколько лошадей, сколько свиней, сколько коров. Такой меркой мерить нельзя, да и негоже ... Ну и что, что у меня много движимого и недвижимого инвентаря! Если это плоды моих усилий, и нет тут труда наемных рабочих, я примерный хозяин. Такими должны быть все. Так смотрит советское правительство» [24]. Что же касается второго положения, то в латышских поселениях, как и везде, происходило расслоение крестьянства, эксплуатация наемной рабочей силы и имелись кулаки. Так, например, рассматривая динамику развития латышских крестьянских хозяйств в Уярском районе Красноярского края, можно сделать вывод, что развивались в основном середняцкие и зажиточные хозяйства. Причем последние в 1925/26 х.г. увеличили свой доход более чем наполовину (58,6%). Нулевой же прирост в следующем году мы связываем, главным образом, с фиктивным разделом хозяйств и сокрытием объектов налогообложения. Доходы же бедняцких хозяйств в 1926–1927 гг. упали на 14,4% [25. Л. 3–5]. То есть, с одной стороны, происходил процесс осереднячивания прибалтийской сибирской деревни, а с другой – по мере втягивания крестьянских хозяйств в товарно-денежные отношения богатые становились еще богаче, а бедные – еще беднее. Каково было положение батраков в прибалтийских деревнях Сибири в середине 1920-х гг., и так ли уж сильно оно отличалось от жизни беженцев империалистической войны, которые сумели сохранить только жизнь и поэтому вдали от родины попали в экономическую и личную зависимость от своих разбогатевших соплеменников? Ответ на этот вопрос во многом дает сводка обследования условий работы и быта батраков по Каменно-Горновскому участку Красноярского округа.

«Всего по участку имеется 32 батрака, из коих постоянно работающих у хозяев – 9 человек, живущих поденной работой или берущих таковую на

дом – 15 человек, служащих в советских и общественных учреждениях – 3, детей и подростков, занятых в летнее время пастьбой скота, – 5. Из них мужчин – 13, женщин – 19. По национальности: латышей – 17 человек; русских – 10; поляков – 2; татар – 2; эстонка – 1. Грамотных – 26 человек, неграмотных – 6 человек. Из общего числа членами союза состоит – 1, желающих вступить в союз – 2. По объяснению самих батраков, причиной малой заинтересованности союзом является бродячая жизнь. Большинство работает по устному соглашению с хозяином, письменных договоров, зарегистрированных в сельсовете, – 6. Батрацкий стаж распределяется следующим образом: до 1 года – 2 человека; 2 года – 2; 5 лет – 2; 10 лет – 8; 17 лет – 1; 39 лет – 1. Стаж малолетних батраков незначителен. Средняя продолжительность рабочего дня – 10,5 часа из расчета от восхода до заката солнца. Договорным днем отдыха пользуются лишь 4 человека, остальные – случайно. Живущие постоянно у хозяев пользуются столом и квартирой совместно с хозяевами. Хозяйской одеждой полностью пользуются только малолетние батраки-пастухи, которые живут на всем готовом. Взрослые имеют свою одежду за исключением примитивной обуви – порткей. Средняя оплата батрака-мужчины около 11–15, женщины – около 5 рублей. Зарплата получается деньгами, за исключением некоторых случаев уплаты натурой, как то: шерстью, льном, материалами для платья. Почти все малолетние пастухи никакой платы за работу не получают, живя целый год как члены семьи и посещая школу зимой. Обычно выплата зарплаты производится в конце рабочего месяца или по периодическим срокам.

По данным обследования выяснилось, что причинами батрачества является целый ряд субъективных причин, как то: сиротство в раннем детстве, пьянство отцов и вследствие этого разорение хозяйств и невозможность совместной жизни, разводы с мужьями у женщин; есть случаи разорения хозяйств белыми бандами во время Гражданской войны (2 случая), затем бедность и отсутствие хозяйства. Остро стоит вопрос о семьях батраков, каковы в жизни батрака часто играют роль фактора, заставляющего зачастую его из желания иметь угол для нее идти работать к хозяину, который может дать этот угол, хотя работа эта порой оплачивается и ниже, чем у других. Да и само наличие семьи ставит батрака в необходимость заниматься преимущественно поденной работой, так как для него невыгоден отрыв от семьи, хотя хуторское расположение участка и оставляет его из-за этого без работы. Между прочим, характерным является следующий факт: местный житель Балтайс Отто имеет два хутора и, живя сам на одном из них, другой сдает в аренду (квартирную), где помещаются 3 семьи, уплачивающие ему около 40 рублей в год. Кроме того, часть земли этого хутора им сдается в аренду квартирантам по довольно высокой цене, и за все это последние должны отрабатывать» [25. Л. 33–34].

Тяжелым было материальное положение не только батраков, но и бедняков. Так, в отчете латсекции Красноярского окружкома ВКП(б) с 1 октября 1926 г. по 1 мая 1927 г. говорилось: «Положение бедняцких хозяйств в Каменно-Горновке особенно тяжело вследствие того, что там неудобная земля,

и бедняки живут только разработкой леса. При обследовании установлено, что ряд семейств живут впроголодь, семьи были не одеты. Вследствие того, что на хуторах не проведено советского землеустройства, существует большая разница в пользовании землей, и ряд хозяйств находится в зависимости от более мощных. Беднота до невероятности забита и запугана; в помощь советской власти не верит и на нее не надеется. На бедняцком собрании отмечалось, что «некоторые из бедняков пьянством своим потеряли всякое желание к улучшению своего хозяйства». Последнее действительно наблюдается вследствие широкого развития самогоно- и пивоварения» [25. Л. 15–16].

Несмотря на то, что во второй половине 1920-х гг. произошло повсеместное осереднячивание сибирской деревни, существовали и определенные региональные различия. Например, в двух эстонских селах – Поливановка Сосновского района и Ивановка Калачинского района Омского округа, в конце 1927 г. социальная картина выглядела следующим образом: Поливановка: население – 345 чел.; хозяйств – 63; бедняки – 40, середняки – 17, кулаки – 6. Ивановка: население 469 чел.; хозяйств – 142; бедняки – 20, середняки – 117, кулаки – 5. Все зависело от критериев, которые были положены в основу исчисления социального расслоения. Главными из них были размер посевных площадей, наличие скота и техники, применение наемного труда. Так, по средним признакам расслоения в Поливановке из 63 хозяйств к бедняцким относились имеющие 2–3 десятины посева, 0–2 лошади на двор, 1–2 головы крупного рогатого скота, 0–1 сельхозмашину; к середняцким – 6 десятин посева, 2–4 лошади, 3–5 голов крупного рогатого скота, 1–2 сельхозмашины; к кулацким – свыше 9 десятин посева, 7–8 лошадей, свыше 9 голов крупного рогатого скота, 4–5 сельхозмашин [26. Л. 39].

А в поселении Вамбола Томской губернии средняя скотообеспеченность была следующей:

Скот	Категория хозяйства		
	Бедняцкое	Средняцкое	Зажиточное
Рабочие лошади	1	2	3
Нерабочие лошади	–	1	1
Коровы	1	2	3–5
Нетели	–	1	2
Телята	1	2	2–3
Быки	–	1	1–2
Овцы	1–4	5–10	10–15
Свиньи	1	2–3	3–6

Урожайность с десятины в этих краях составляла (в пудах): рожь – до 45; овес – 45–50; пшеница – 25–30; просо – 70–80; гречиха – 25–35; картофель – 600–800. По сведениям местных органов власти, крестьяне отдавали государству в виде налогов 8–10% своих доходов, по заявлениям самих крестьян – 10–12% [9. С. 96]. Мы в большей степени склоняемся к истинности первой цифры (8–10%). В частности, о размере налога, которым облагалось зажиточное эстонское хозяйство, свидетельствует приведенный ниже окладной лист:

Сибкрай, Барабинский уезд, Чановский район, д. Оравка
Окладной лист по единому
сельскохозяйственному налогу на 1927–28 гг.

Объект обложения	Сумма дохода (в рублях)
Десятин земли (пашни или посева) – 2	74
Лошадей – 2	30,5
Коров и быков – 4	60
Мелкого скота – 9	18
Всего	182,5

Едоков в хозяйстве – 3. Налог на государственные и местные нужды – 16 рублей 23 копейки [27. Л. 24].

Как мы видим, единый сельскохозяйственный налог даже для зажиточного крестьянина был довольно щадящим – он составлял 8,9% от общей суммы дохода хозяйства. Тем не менее в прибалтийских деревнях крестьяне скрывали от налогообложения как посевную площадь, так и скот. Так, например, студент Коммунистического университета национальных меньшинств Запада Удекуль, направленный для агитационно-пропагандистской работы во время летних каникул 1924 г. в поселение Вамбола Томской губернии, в отчете отмечал, что это поселение, основанное в 1908 г., является одним из наиболее зажиточных. В нем 138 хозяйств, каждое из них владеет от 13 до 60 десятинами земли, посевной площадью – от 2 до 10 десятин. При этом бедняки говорили, что они скрывают от обложения налогами по 0,5 десятины, зажиточные хозяева – 4–5 десятин. По-видимому, это явление было повсеместным [9. С. 96]. Кулаки сокращали свое хозяйство и в других прибалтийских колониях. В этом отношении характерна ситуация, сложившаяся на Борисовском участке Уярского района Красноярского округа, где насчитывалось 8 кулацких хозяйств.

В конце 1920-х гг. рост посева отмечался во всех латышских и эстонских колониях, а зажиточные крестьяне сократили посев на 16,30 десятины, поголовье коров уменьшилось на 10 голов, нетелей – на 3, овец – на 3, свиней – на 7 голов. Зажиточные ухитрились уменьшить сельхозналог фиктивным разделом хозяйства, например, в Томнинском участке по населенному списку считается в 1925/26 х.г. – 150 дворов; в 1926/27 х.г. – 153 двора, а в 1927/28 х.г. – 164 двора. Но фактически ни одного двора вновь построено не было, все это фиктивный раздел на бумаге. Другая форма избежания налога – до выявления объектов обложения продает откормленный скот (свиней), а после их выявления вновь покупает и старается откармливать до будущего года. Кроме того, контрактация молочных коров и проведение агроминимума сокращали единый сельхозналог [28. Л. 40].

Нередко зажиточные крестьяне умышленно уничтожали свое имущество для уменьшения налогообложения. Так, житель пос. Михайловский Тарского округа Илья Стюф летом 1923 г. имел свой хутор, 160 десятин земли, лошадей рабочих – 4, коров дойных – 12, лошадей – 3; сельскохозяйственных машин: грабли, сенокосилку, плуг и борону. В этом же году он этот хутор продал крестьянину Оруверу за 10 коров, 2 лошадей,

и, таким образом, у него в 1923 г. имелось скота: коров дойных – 22, лошадей – 6. К 1928 г. он умышленно все промотал и имел в тот момент лишь одну лошадь и корову [29. Л. 165]. В отчете латинструктора Омского окружкома ВКП(б) о поездке в Калачинский и Крутинский районы с 10 января по 7 февраля 1926 г. говорилось: «Посевная площадь в селе Елизаветино Калачинского района за последние 4 года увеличилась на 26%, поголовье рогатого скота – на 16%, прирост числа рабочих лошадей составил 25%, а мелкого скота – 272%. В поселке имеется 12 безлошадных хозяйств, с одной лошадью насчитывается 40 хозяйств, с двумя – 74 хозяйства, с тремя – 30 хозяйств, с четырьмя – 6 хозяйств, и более 4 лошадей имеет 6 хозяйств. Выделяется группа наиболее имущих (в количестве 7 человек) с целью приобретения трактора, однако подобная форма использования трактора крайне нежелательна, так как ведет к подъему хозяйства отдельных лиц за счет эксплуатации остального населения. Поэтому необходимо эту группу расширить на 20–30 человек» [30. Л. 64].

Подобная характеристика экономической ситуации в одной из самых крупных латышско-латгалских колоний Омского округа очень показательна. С одной стороны, за годы восстановительного периода действительно был достигнут весомый экономический прогресс – посевная площадь увеличилась на четверть, число рабочих лошадей – более чем на четверть, а количество мелкого скота в крестьянских хозяйствах – более чем в 2,5 раза. С другой стороны, несмотря на позитивные тенденции, 52 хозяйства (31% от общего количества) были безлошадными или однолошадными. Более того, приобретение трактора зажиточными крестьянами усилило бы социальное расслоение, то есть сделало бы богатых еще богаче, а бедных – еще беднее.

В то же время социальное напряжение в латышских и эстонских деревнях росло и по причине налогового пресса на бедняцкие хозяйства, члены которых, будучи бедняками по меркам прибалтийской деревни, были несколько зажиточнее русских крестьян-бедняков. К концу 1920-х гг. бедняцкая группа (то есть крестьяне, которые были освобождены от единого сельскохозяйственного налога) уменьшилась. Например, в 1929–1930-х гг. в среднем по Красноярскому округу бедняцких насчитывалось только от 10 до 15% от общей численности крестьянских хозяйств. Но, как считал инструктор окружкома ВКП(б) Миллер, «...будет неверно в хуторской деревне (латышей и эстонцев) бедняками считать только тех, которые освобождены от налога. Для правильной политической установки нужно к каждому хозяйственному и культурному участку подходить конкретно, а не формально. И поскольку хуторяне в хозяйственном отношении выше русских крестьян, то и налогом облагается хуторянин-бедняк. А кулаки и зажиточные хуторяне, наоборот, очень свободно обходят налоговую политику, которая главным образом приспособлена для русского крестьянина.

Отсюда вытекают две неправильные установки по отношению к латышам и эстонцам-хуторянам. Первая: ряд ответственных районных работников смотрят на всех латышей-хуторян как на кулаков. Вторая: уклон, когда местные нацменовские работники имели какие-то чисто национальные

чувства, старались защищать кулаков под флагом «культурников», «активистов» и т.д.

Вывод может быть один – латыши и эстонцы-хуторяне в хозяйственном отношении выше русского крестьянина, кулаков и процесс расслоения, а также классовая борьба проявляется острее» [28. Л. 42].

Политическая ситуация в прибалтийской сибирской деревне во многом определялась социальным составом руководства сельсоветов. От того, кто займет руководящие посты в этом органе власти, во многом зависели ход и направление экономических и политических процессов в латышских и эстонских колониях. Важную роль в расстановке политических сил сыграли кампании перевыборов сельсоветов в 1926–1927 гг. В отчете латсекции Красноярского окружкома ВКП(б) с 1 октября 1926 г. по 1 мая 1927 г. говорилось: «Перевыборы сельсоветов прошли удовлетворительно. Проведены предварительные собрания на латышском языке – 7, собраний бедняков – 5 и собраний женщин – 4. На общих предвыборных собраниях участвовало 30,5%, на женских собраниях – 20%, и сведения об участии на собраниях бедняков отсутствуют.

Надо отметить, что если сравнивать предвыборную кампанию в нынешнем году и в прошлом году, то активность всех слоев крестьян значительно увеличилась. В тех местах, где собрания бедноты проводились в первый раз, например в колонии Борисово, Островки, Западном Имбеже, середняки совместно с зажиточными встретили такие собрания враждебно. Например, в Борисовке высказались: «Беднота – лодыри и лентяи, правительство защищает лентяев, а с богачей дерут семь шкур». Требовали зачтения списка бедняцкого собрания следующими словами: «Требуем зачислить в список лентяев». Слышны были следующие выражения: «Беднота – бездонный мешок, его никогда не наполнишь», «Беднота в трудную минуту государству ничего не даст, т. к. она ничего не имеет, а все будет требовать пособия». В Западном Имбеже середняки хотели демонстративно покинуть выборные собрания, мотивируя: «Раз бедняков созывают отдельно, пускай они и выбирают, нам нечего здесь делать» [25. Л. 10–11].

О накаленной атмосфере классовой борьбы в эстонских колониях Тарского округа свидетельствует отчет эстинструктора окружного комитета ВКП(б) Р. Абена о поездке в Екатерининский район с 21 марта по 14 апреля 1927 г. В отчете, в частности, говорилось: «В деревне Юрьевка ярче всего выявлено расслоение деревни. Беднота политически не развита и даже к вопросам личного благополучия относится пассивно. Особенно разлагающе на бедноту влияет присутствие в их среде самогонщиков, пьяниц и конокрадов. Зажиточная часть деревни более организована и, выставляя отдельные недостатки в работе местных организаций, старается на этом обосновать свое недружелюбие к Советской власти вообще». Однако, по его мнению, последние перевыборы сельсовета прошли там вполне удовлетворительно, и членами сельсовета была избрана лучшая, наиболее передовая часть из бедняков и середняков [25. Л. 158].

Необходимо также сказать несколько слов о политическом настроении прибалтийских колонистов в Сибири. Латинструктор при Тарском окружкоме

РКП(б) М. Юршевский в своем отчете о выезде в Екатерининский и Знаменский районы Тарского округа от 11 сентября по 7 октября 1925 г. писал: «Я рассказал о перспективах сибирской промышленности. Крестьяне очень активно говорили по этому вопросу, особенно когда речь зашла о Ленской концессии, крестьяне очень озабоченно предупреждали, что с иностранцами нужно как можно осторожнее, «а то они скоро обьегорят наших. Золото-то повыкопают и уйдут, а мы так и останемся». Недостатки советских и общественных организаций колонисты критикуют беспощадно, но критика эта – здоровая. Но есть некоторый кадр злости, выступающий на собраниях против того, что говорит приезжий о советской власти. Пример: когда в поселке Богдановском Знаменского района надо было обсуждать вопрос о ремонте спальни для учеников и приложить немного сил к тем средствам, которые отпускаются РИКом для ремонта школы, то многие закричали: «Раз ваша советская власть сумела забрать школьные помещения, построенные обществом, то пусть РИК один ремонтирует, а мы своей руки не приложим» [31. Л. 38–39].

Таким образом, в сибирских латышских и эстонских поселениях экономический рост во второй половине 1920-х гг. привел к сильному социальному расслоению среди колонистов. Но в то же время процесс развития колониальный носил неустойчивый и противоречивый характер. Имелись существенные различия в уровне и темпах экономического и культурного развития прибалтийских поселений и деревень соседнего, главным образом русского, населения, прибалтийских колоний в различных регионах СССР и, наконец, бывших колоний административных ссыльных и деревень, образованных добровольными переселенцами, в Сибири. При этом зачастую были размыты критерии социальной стратификации – вместо учета степени эксплуатации наемного труда и сельскохозяйственного инвентаря выводы о характере хозяйств поселенцев делались на основе количества земли, скота. Все это мешало советским и партийным органам идентифицировать хозяйства колонистов и выработать стратегию их дальнейшего развития.

С точки зрения экономической адаптации прибалтийских колонистов в годы нэпа происходили противоречивые процессы. С одной стороны, развитие кооперации объективно сближало латышей и эстонцев с представителями других национальностей, с другой – повсеместно наблюдался процесс роста изоляционизма и индивидуализма переселенцев, чему в немалой степени способствовала хуторская система ведения хозяйства. А эксплуатация труда батраков, значительную часть которых составляли люди разных национальностей, создавала предпосылки для возникновения не только социальных, но и национальных конфликтов.

Оценивая политическую ситуацию в прибалтийских деревнях, мы вынуждены согласиться с выводом Я. Бебера о том, что была значительная группа зажиточных середняков, которая имела тенденцию примкнуть к кулачеству и составляла как бы резерв кулачества [16. С. 180]. Как показали кампании по перевыборам сельсоветов 1926–1927 гг., середняки, которые по логике вещей должны были быть союзниками бедняков, поддержали зажиточное

крестьянство. Поэтому именно борьба за середняка стала стержнем политических мероприятий в латышских и эстонских колониях в конце 1920-х гг.

В заключение хотелось бы оспорить тезис Л.В. Малиновского о том, что «к моменту коллективизации у сибирских латышей и эстонцев сложилось развитое хуторское хозяйство капиталистического типа» [8. С. 212]. Во-первых, хуторская форма расселения у переселенцев из Прибалтики была не единственной. Она преобладала в таежной зоне Сибири, но в лесостепной и степной зонах наряду с хуторской существовали колонии как с уличной формой расселения (Рыжково), так и со смешанной, где рядом с деревней находились хутора (Золотая Нива). Во-вторых, под хозяйством капиталистического типа мы подразумеваем крупное товарное производство, основанное на применении наемного труда. Но как раз в таежной зоне большинство прибалтийских хуторских хозяйств носило не товарный, а мелкотоварный характер, т.е. большая часть производимой продукции шла не на продажу, а на собственное потребление. Этому способствовали как низкая продуктивность хозяйств, так и их отдаленность от рынков сбыта. В-третьих, хотя на протяжении всего периода нэпа в крестьянских хозяйствах применялся труд батраков, а в апреле 1925 г. наемный труд был разрешен законодательно, но его применение было все же ограничено: середняки, которых было большинство, нанимали работников время от времени, а удельный вес зажиточных крестьян в прибалтийской сибирской деревне был невелик.

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что большинство хозяйств сибирских латышей и эстонцев были не капиталистическими, а мелкотоварными с ограниченным применением наемного труда. Но продолжение нэповской политики неизбежно должно было привести к втягиванию большинства крестьянских хозяйств в рыночные отношения, их дальнейшей социальной дифференциации и, как следствие, развитию капиталистических отношений у переселенцев из Прибалтики.

Литература

1. *Платунов Н.И.* О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне коллективизации // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1967. С. 241–254.
2. *Заповодникова А.Г.* Ленинское учение о диктатуре пролетариата и борьба партийных организаций Западной Сибири за ее укрепление (1920–1921 гг.). Омск: Изд-во отд. пропаганды и агитации Ом. обкома КПСС, 1968. 21 с.
3. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* Ф. 1. Оп. 2. Д. 157.
4. *Советская Сибирь.* 1924. 22 авг.
5. *Лацис В.* Паулина Лапа // Собр. соч. Т. VII. М.: Известия, 1959. С. 355–381.
6. *Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО).* Ф. 1. Оп. 1. Д. 1497.
7. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* Т. 4. М.: Политиздат, 1983. 575 с.
8. *Малиновский Л.В.* Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919–1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 202–213.
9. *Маамяги В.* Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М.: Наука, 1990. 200 с.
10. *ГАО.* Ф. Р-859. Оп. 1. Д. 10.
11. *Siberi Teataja.* 1926. 16 juunil; 1928. 20 juunil.
12. *Siberi Teataja.* 1929. 16 jaan.
13. *Калинин М.И.* Беседы с народом. М.: Советская Россия, 1960. 367 с.

14. ГАНО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 445.
15. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДНИ ОО). Ф. 940. Оп. 2. Д. 112.
16. Беберс Я. Расслоение латышского крестьянства накануне коллективизации (1925–1928 гг.) // Вопросы аграрной истории Прибалтики. Рига, 1982. С. 174–181.
17. ГАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1654.
18. *Siberi Teataja*. 1927. 6 aprillil.
19. *Krievijas Сīņa*. 1927. 9. aug.
20. ГАНО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1630.
21. *Krievijas Сīņa*. 1927. 6. janv.
22. *Latviešu Zemnieks*. 1926. 8. aug..
23. *Latviešu Zemnieks*. 1930. 10. nov.
24. *Latviešu Zemnieks*. 1926. 8. janv.
25. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 10. Оп. 1. Д. 74.
26. ГАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1656.
27. ГАНО. Ф. 392. Оп. 1. Д. 443.
28. ЦХИДНИ КК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 730.
29. ЦДНИ ОО. Ф. 940. Оп. 2. Д. 107.
30. ЦДНИ ОО. Ф. 7. Оп. 2. Д. 330.
31. ЦДНИ ОО. Ф. 940. Оп. 1. Д. 76.